

Sociolinguistic approach to linguistic expertise: advantages

The article deals with the potential of the sociolinguistic approach in linguistic expertise. It presents the method of identification of the communicative leadership in negotiations of a group of communicants.

Key words: *sociolinguistic approach, communicative leadership, communicative hierarchy.*

(Статья поступила в редакцию 14.06.2018)

М.А. ГУЛЯЕВА
(Волгоград)

**О МЕРЕ ВОВЛЕЧЕННОСТИ
В КОММУНИКАЦИЮ***

В рамках исследования позитивной коммуникации вовлеченность в коммуникацию представляет особый интерес, являясь ее структурной составляющей и играя ключевую роль в вопросах эффективного общения. Данный феномен трактуется как степень когнитивной и поведенческой задействованности в коммуникативном процессе. Рассматривается градация степеней вовлеченности в процесс интеракции.

Ключевые слова: *вовлеченность в коммуникацию, степени вовлеченности в коммуникацию, коммуникативная компетенция, позитивная коммуникация, межличностное общение.*

Настоящее исследование является частью научного проекта «Позитивная коммуникация в контексте современной российской лингвокультуры», осуществляемого группой российских ученых. Под позитивной коммуникацией понимается «взаимодействие, основанное на положительных эмоциях, направленное на взаимопонимание и приносящее удовлетворение всем участникам» [4, с. 164]. Вовлеченность в интеракцию рассматривается как

важная составляющая позитивной коммуникации, «предполагающая эмпатию – сопереживание, которое проявляется как в собственных коммуникативных действиях, так и в восприятии сообщений со стороны собеседника» [4, с. 173]. Вовлеченность в общение предполагает проявление коммуникативной инициативы, ключевыми признаками которой являются коммуникативная активность субъекта, интенциональность, динамичность, ситуативность, адресативность, линейность, монотемность, запрограммированность на ответную реакцию и переходность (мена позиций) [6, с. 9]. К другим структурным составляющим позитивной коммуникации относятся положительная интенция, адаптация к собеседнику (приспособление, детерминированное возрастом, гендерной принадлежностью, социальным статусом и культурной идентичностью партнера по общению) [5] и наличие социальной поддержки, рассматриваемой как «любого рода помощь, оказываемая индивидууму как члену социума» [4, с. 173]. Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать степени вовлеченности в интеракцию с учетом использования вербальных и невербальных средств актуализации в процессе общения, а кроме того, выявить оптимальный уровень вовлеченности в интеракцию для протекания позитивного общения.

Мы трактуем вовлеченность в коммуникацию вслед за Д. Бургун как явление, характеризующее степень когнитивного и поведенческого участия в коммуникативном процессе [12, с. 463]. Данное понятие представляет собой плодотворную область для исследования в отечественной лингвистике, т. к. является малоизученным, хотя и получило весьма значительную популярность за рубежом в 1980-е гг. В своем исследовании мы рассматриваем феномен вовлеченности в коммуникацию через призму конкретного коммуникативного процесса, как отдельную лингвистическую категорию. Как было упомянуто ранее, вовлеченность в коммуникацию является неотъемлемой частью позитивной коммуникации, а значит, представляет собой важный элемент на пути к гармоничному общению. От того, насколько партнеры внимательны друг к другу во время беседы, как реагируют на сказанное и как ведут себя в процессе коммуникации, во многом зависит его исход. Персональная вовлеченность в сообщения тех, кто создает эти сообщения, необходима для полного понима-

* Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 16-34-00016 «Позитивная коммуникация в контексте современной российской лингвокультуры».

ния процесса коммуникации. Степень вовлеченности человека в коммуникативный процесс влияет на его поведение во время общения, на степень удовлетворенности полученным общением и тем, была ли возможность у сообщения повлиять на участников коммуникации [14, с. 260]. В связи с вышесказанным целесообразно говорить о том, что данное понятие заслуживает особого внимания, и его исследование может внести значительный вклад в развитие коммуникативистики в России.

Вовлеченность в коммуникацию представляет собой достаточно сложный процесс, включающий в себя набор определенных составляющих как на когнитивном, так и на поведенческом уровне. К когнитивным составляющим относятся восприимчивость, внимание и реагирование [9]. Среди поведенческих составляющих выделяются готовность к коммуникации (*immediacy*), экспрессивность, управление интеракцией, альтерцентризм и социальное беспокойство [12]. От того, насколько интенсивно данные параметры проявляются в коммуникативном процессе, зависит степень вовлеченности в коммуникацию. Проведенный анализ научной литературы на данном этапе исследования позволяет предположить, что степени вовлеченности в коммуникацию варьируются от высокой к низкой, образуя воображаемую шкалу – от сверхвовлеченности или избыточной вовлеченности до полной отчужденности и ухода от коммуникации. Другими словами, задействованность индивида в коммуникативном процессе противостоит отрешенности, где задействованность и отрешенность будут полярными величинами одной шкалы вовлеченности в коммуникацию.

Важно отметить, что степень вовлеченности в коммуникативный процесс может варьироваться в процессе общения под влиянием определенного набора переменных, таких как общий настрой и состояние участников общения, тема разговора, качество и условия интеракции, наличие отвлекающих факторов и др. В данной статье предпринята попытка обрисовать границы каждого уровня для более четкого понимания вопроса.

Высокая степень вовлеченности в коммуникацию характеризуется интенсивным проявлением всех своих структурных составляющих как на когнитивном, так и на поведенческом уровне в контексте межличностного взаимодействия. С точки зрения когнитивного участия в процессе общения человек осознает, как его действия расцениваются другими участниками интеракции, и способен ин-

терпретировать их поведение. Он внимателен к собеседнику, сфокусирован, способен откликаться и адаптироваться к предлагаемым обстоятельствам, при этом осознавая, что и когда сказать [11, с. 233]. При высокой степени вовлеченности участники интеракции интегрируют свои чувства, мысли и опыт в непрерывное взаимодействие, частью которого они являются. Что касается внешних проявлений вовлеченности, можно говорить об определенном невербальном поведении коммуникантов, демонстрирующих свое участие и задействованность в процессе общения. К такому поведению можно причислить действия, сигнализирующие о «доступности и готовности к общению, активности, теплых отношениях и близости» (цит. по: [12, с. 468]). В настоящей статье мы опирались на результаты исследования Д. Бургун и Д. Кокер, которые занимались подробным изучением поведенческого аспекта вовлеченности в коммуникацию, описав невербальные индикаторы проявления высокой и низкой степени вовлеченности [12]. Невербальное поведение настроенных на общение людей можно описать следующим образом: *собеседники обращены друг к другу и находятся на достаточно близком расстоянии, присутствует прямой визуальный контакт, корпус тела наклонен вперед. Кроме того, существуют позитивные «подкрепляющие» действия, такие как кивки головой, улыбка, живая жестикуляция* [Там же, с. 472]. Существенным индикатором высокой степени вовлеченности является экспрессивность участников интеракции [8; 13; 15], которая актуализируется с помощью активной мимики, соответствующей ситуации громкости и тона голоса, расслабленного смеха, улыбки, жестикуляции. Вовлеченные собеседники управляют процессом интеракции, что сопровождается такими паралингвистическими элементами, как короткие паузы перед ответом, отсутствие протяженного молчания, уверенная, без запинок речь, общая координация речи и телодвижений. Чем выше степень управления интеракцией, тем выше степень вовлеченности в коммуникацию. Еще одним важным фактором на пути к полноценному участию в коммуникативном процессе является отсутствие напряженности и тревоги. Чем ниже уровень беспокойства, тем выше степень вовлеченности в коммуникацию. Об отсутствии социального беспокойства могут говорить расслабленность позы, голоса, человек спокоен, не затрагивается постоянно до себя, до других предметов, речь уверенная и незаторженная. Ре-

зультаты научных изысканий американского исследователя Д. Сигала показали, что коммуниканты, активно вовлеченные в беседу, говорят с большей уверенностью, их речь спонтанна, чаще используются личные местоимения первого и второго лица [10, с. 311]. Любопытным является тот факт, что частое использование определенного артикля (the, this) отражает степень когнитивной вовлеченности в разговор, в то время как неопределенный артикль может указывать на пониженный уровень задействованности в коммуникативном процессе. Употребление определенного / неопределенного артикля может маркировать наличие общих фоновых знаний говорящего и слушающего [Там же, с. 315]. Например, утверждение со стороны говорящего *I talked to the man* в большей степени подразумевает, что оба – и отправитель, и получатель – понимают, о каком мужчине идет речь, чем утверждение *I talked to a man*.

Высокая степень вовлеченности индивидов способствует достижению коммуникативных целей [9], а значит, первостепенна для эффективного общения.

Говоря о высокой степени вовлеченности, нельзя не упомянуть и крайнюю форму ее проявления, а именно сверхвовлеченность, или избыточную вовлеченность. Существование определенных норм и стандартов поведения во время разговора предполагает определенный сценарий поведения его участников, а именно насколько полно индивид позволяет себе увлечься разговором, быть захваченным им. «Он обязан не дать себе настолько переполниться чувствами и готовностью действовать, чтобы это угрожало границам проявления аффекта, установленным для него во взаимодействии» [2, с. 148].

Такая степень вовлеченности не будет полезна для эффективного взаимодействия, т. к. является не вполне адекватной формой поведения и может негативно сказаться на других участниках взаимодействия, часто вызывая отчужденность [Там же]. Примером может служить чрезмерная опека родителей над взрослеющим ребенком. Подросток, защищаясь от вмешательства в свою личную жизнь, может замкнуться и отгородиться от чересчур навязчивого внимания родителей. По мнению И. Гофмана, сверхвовлеченность обладает свойством мгновенно делать индивида несостоятельным в качестве участника взаимодействия, поскольку другие вынуждены приспосабливаться к его состоянию, в то время как он

не может приспособиться к их состоянию [2, с. 149].

При низкой степени вовлеченности в коммуникацию вышперечисленные когнитивные и поведенческие компоненты не играют такой активной роли, присутствуют частично либо не имеют места вообще. Например, человек занят посторонними мыслями, не относящимися к протекающему в данный момент коммуникативному процессу, переспрашивает несколько раз (*Прости, я не услышал, о чем это ты. Извини, я отвлекся, повтори, пожалуйста* и т. д.), не проявляет на сказанное ожидаемой реакции, смотрит по сторонам или занимается каким-либо делом. Следовательно, ему сложно уследить за ходом общения.

Отсутствие внимания или неспособность сфокусироваться на коммуникативном процессе будет способствовать низкой степени вовлеченности или даже ее отсутствию. Невнимание, в свою очередь, является существенной преградой на пути к восприимчивости. При низкой степени вовлеченности имеет место так называемая оторванность, отстраненность от коммуникативного процесса, человек занят своими мыслями и целями, отвлечен от того социального контекста, в котором пребывает. Внешними индикаторами низкой степени вовлеченности в интеракцию могут быть недостаточное проявление готовности к коммуникации (*immediacy*). Поведение индивида отличается недружелюбием, возможно, равнодушием. Человек избегает визуального контакта, соблюдает нетипично большое расстояние с собеседником, не улыбается. Для низкой степени вовлеченности не характерны экспрессивность и управление коммуникацией, свойственны наличие длинных пауз перед реакцией на сообщение интерлокутора, частое протяженное молчание, невнятная, некоординированная речь. Низкой степени вовлеченности часто способствуют тревожность и напряженность индивида. Это проявляется в неспособности сосредоточиться на собеседнике, повышенной нервозности, человек постоянно манипулирует каким-либо предметом, дотрагивается до себя, сидит или стоит в напряженной позе и др. Стоит отметить, что низкая степень вовлеченности обоих собеседников характеризуется минимальной передачей репликового шага и неспособностью (или нежеланием) поддерживать и развивать тему разговора [16]. Например, среди характерных для такой линии поведения стратегий можно назвать *пассивное речевое поведение*, когда поведение

индивидуума в диалоге инертно и направлено на завершение разговора [3, с. 13]. Речь идет о пассивном реагировании адресата на иницирующие ходы адресанта. Пассивность, являясь антиподом активности в коммуникации, выступает как безынициативность в построении диалога [6, с. 43]. Отсюда можно сделать вывод, что видимое отсутствие инициативы служит сигналом незаинтересованности в беседе и, как следствие, идентифицирует низкую степень вовлеченности. Пассивное речевое поведение характеризуется долгими паузами между репликами, односложными ответами, молчанием, невнимательным слушанием. Коммуникант может выбрать тактику наименьшего сопротивления, при которой будет с неохотой поддакивать собеседнику либо со всем соглашаться [1, с. 341].

Крайней степенью вовлеченности (а точнее, невовлеченности) можно назвать отчужденность. Данное понятие является противоположным исследуемому нами явлению и в целом подразумевает отсутствие поведенческого и когнитивного участия в коммуникативном процессе. Если под отчужденностью понимается определенное состояние индивида, то процесс перехода из состояния вовлеченности в состояние отчужденности называется отчуждением. Отчуждение не означает отсутствие полного участия. Данный феномен, являясь скорее процессом, чем определенным коммуникативным действием, может частично дезориентировать или отвлекать коммуникантов, приобретая различные формы. По мнению И. Гофмана, совместная вовлеченность является достаточно хрупкой вещью, которая в любой момент может привести человека к некоторым формам отчуждения. Исследователь выделяет среди таких форм поглощенность внешним, озабоченность собой, озабоченность взаимодействием, озабоченность другими. Такие формы отчуждения образуют неправильное поведение, которое Гофман называет «неадекватной вовлеченностью» [2, с. 142]. В процессе интеракции индивид направляет свои мысли и внимание на что-то, не связанное с протекающим в тот момент общением. Коммуникант может думать о чем-то постороннем либо быть чересчур озабоченным собственным поведением и речью, думать о том, какое впечатление он производит на адресата, или, наоборот, чрезмерно сосредотачиваться на партнере по общению. Вместо истинной вовлеченности в тему беседы участник разговора может быть сверхозабоченным именно процессом протекания вза-

имодействия. Например, координатор важного мероприятия заботится о комфорте всех приглашенных, старается уделить всем внимание и поддержать разговор, однако становится больше обеспокоенным тем, как в целом проходит мероприятие, и не может по-настоящему погрузиться в процесс общения.

Мы рассмотрели четыре основных степени вовлеченности в коммуникативный процесс, которые образуют собой следующую цепочку: сверхвовлеченность – высокая степень вовлеченности – низкая степень вовлеченности – отчужденность. По нашему мнению, оптимальной степенью для успешного общения выступает высокая степень вовлеченности, т. к. именно она способствует достижению коммуникативных целей, благотворно влияет на коммуникативный процесс и его исход, а также на самих участников интеракции. Именно высокая степень вовлеченности рассматривается среди структурных составляющих позитивной коммуникации.

Список литературы

1. Василик М.А. [и др.]. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2006.
2. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
3. Гуляева М.А. Стратегии отказа от общения // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2013. № 1(76). С. 12–15.
4. Леонтович О.А. Позитивная коммуникация. Постановка проблемы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 164–176.
5. Соколова М.С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
6. Черничкина О.В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
7. Andersen P.A. Nonverbal immediacy in interpersonal communication. Paper presented at the International Communication Association convention, Dallas, 1998.
8. Cappella J. N. Conversational involvement: Approaching and avoiding others // Wiemann J. M. & Harrison R. P. (Eds.). Nonverbal interaction. Newbury Park, CA. Sage, 1983. P. 113–148.
9. Cegala D.J. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence // Communication Education. 1981. № 30. P. 110–121.
10. Cegala D.J. A study of selected linguistic components of involvement in interaction // Western journal of speech communication. 1989. № 53. P. 311–326.
11. Cegala D.J., Savage G.T., Brunner C.C. & Conrad A.B. An elaboration of the meaning of interaction involvement: Toward the development of a

theoretical concept // *Communication Monographs*. 1982. № 49. P. 229–248.

12. Coker D., Burgoon J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns // *Human Communication Research*. 1987. № 13. P. 463–494.

13. Mehrabian A. *Silent messages* (2nd ed.). Belmont, CA Wadsworth, 1981.

14. Rubin R.B., Martin M.M. Interpersonal communication motives // McCroskey J.C., Daly J.A., Martin M.M., Beatty M.J. (Eds.). *Communication and personality: Trait perspectives*. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1998. P. 287–307.

15. Spitzberg B.H. & Hecht M.L. Component model of relational competence // *Human Communication Research*. 1984. № 10. P. 575–599.

16. Villaume W.A. & Cegala D.J. Interaction involvement and discourse strategies: The patterned usage of cohesive devices in conversation // *Communication Monographs*. 1988. № 55. P. 22–40.

* * *

1. Vasilik M.A. [i dr.]. *Osnovy teorii komunikacii*. M.: Gardariki, 2006.

2. Gofman I. *Ritual vzaimodejstviya. Oчерki povedeniya licom k licu*. M.: Smysl, 2009.

3. Guljaeva M.A. Strategii otzaka ot obshhenija // *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki*. 2013. № 1(76). S. 12–15.

4. Leontovich O.A. Pozitivnaja komunikacija. Postanovka problemy // *Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2015. № 1. S. 164–176.

5. Sokolova M.S. Adaptacija k sobesedniku v processe mezhlichnostnoj komunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.

6. Chernichkina O.V. Kommunikativnaja inicijativa v mezhlichnostnom obshhenii: dic. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013.

Extent of involvement in communication

As part of the study of positive communication, involvement in communication is of particular interest, being its structural component and playing a key role in effective communication. This phenomenon is interpreted as the degree of cognitive and behavioural involvement in the communication process. The gradation of degrees of involvement in the process of interaction is under consideration in the article.

Key words: *involvement in communication, degree of involvement in communication, communicative competence, positive communication, interpersonal communication.*

(Статья поступила в редакцию 31.05.2018)

И.А. КУДРЕЙКО
(Донецк)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНБАССЕ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Анализируется языковая ситуация на территории Донбасса за последние 120 лет с учетом исторических процессов, статуса и коммуникативной нагрузки наиболее употребляемых языков: русского и украинского.

Ключевые слова: *языковая ситуация, полилингвизм, билингвизм, родной язык, языковая идентификация.*

Языковая ситуация – одна из важнейших проблем социолингвистики. Как предмет отдельного социолингвистического исследования она проанализирована в трудах В.А. Аврорина [1], Л.П. Крысина [5], Л.Б. Никольского [10], А.Д. Швейцера [18], В.М. Брицина [2], Л.Т. Масенко [8], Л.А. Ставицкой [16], О.Б. Ткаченко [17], Н.П. Шумарова [19] и др. По определению А.М. Куця, «языковая ситуация – присущий обществу способ удовлетворения коммуникативных потребностей посредством одного или нескольких языков» [6, с. 65].

Следует отметить, что Донецкая область на протяжении всей истории своего существования была многоязычной, на ее территории одновременно функционировало несколько языков, среди которых русский и украинский удовлетворяли все коммуникативные потребности жителей области в различных социальных сферах. Следовательно, языковую ситуацию в Донецкой области можем охарактеризовать как полилингвальную с доминирующим билингвизмом. Для исчерпывающего анализа языковой ситуации на исследуемой территории остановимся на национально-демографических, языковых процессах, которые происходили в Донецкой области и нашли адекватное проявление в соответствующих архивных документах. В нашей работе исследуем и проанализируем исторические документы, связанные с этапами заселения, формированием национального состава Донецкой области, данные переписей 1897, 1923, 1939, 1970, 2001 гг.

Донецкая область характеризуется полиэтничностью. На ее территории проживает